

МАКРО- И МИКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

JEL: B52; O43; O52; O53; O54; O57; P10; P16; P20; P48; P50; P51
УДК: 330.342.14; 332.012.2; 338.2

Разновидности капиталистических отношений в зарубежных странах с формирующимися рынками: проблемы типологизации и методологии исследования

М. М. Лобанов, С. П. Глинкина

Институт экономики РАН,
Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр., 32
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119234, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Лобанов М. М., Глинкина С. П. (2020) Разновидности капиталистических отношений в зарубежных странах с формирующимися рынками: проблемы типологизации и методологии исследования. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. Т. 36. Вып. 1. С. 7–26. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.101>

В статье рассматриваются методологические проблемы изучения капиталистических отношений в странах с формирующейся рыночной экономикой. Исследования причин и следствий возникновения межстрановых различий в формах организации капиталистического общества вплоть до конца XX в. опирались преимущественно на опыт экономически развитых стран. Современной тенденцией эволюции теории компаративного капитализма является смещение фокуса рассмотрения на государства с формирующимися рынками, характеризующиеся многообразием видов институциональной комплементарности. Ключевым становится вопрос обоснованности адаптации положений разработанной применительно к развитым государствам бинарной теории разновидностей капитализма (выделение либеральных и координируемых рыночных экономик) для анализа капиталистических отношений в странах мирохозяйственной периферии и полупериферии. Данная работа посвящена исследованию методологических проблем объяснения процессов межстрановой институциональной дивергенции с акцентом на зарубежные государства с формирующимися рынками. Особое внимание обращено на изучение типов капитализма в постсоциалистических странах с выделением четырех направлений сравнительного анализа, которые базируются на предположениях об универсальности дихотомии классических разновидностей капитализ-

ма или их «метаморфизации», «гибридизации» традиционных моделей капитализма, а также их сущностном несоответствии реалиям развития бывших соцстран. В рамках каждого из подходов к типологизации капиталистических отношений в европейских и азиатских постсоциалистических странах сопоставляются характеристики соответствующих им основных моделей (зависимого и кланового капитализма, встроенного неолиберализма, неокорпоратизма и др.). Кроме того, проводится сравнительный анализ типов капитализма, дифференцируемых для развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки (в частности, иерархических рыночных экономик). Авторы предлагают различать несколько подходов к формированию азиатских капиталистических обществ: становление государственного капитализма, возникновение азиатского типа гибридного капитализма (сочетание локальных и инкорпорированных западных институциональных норм), развитие замкнутых в национальных границах дивергентных форм капитализма. Перспективным исследовательским направлением (которое можно назвать полимасштабным подходом в компаративном капитализме) является выделение субнациональных моделей капиталистических отношений — прежде всего в странах, характеризующихся значительной пространственной гетерогенностью.

Ключевые слова: компаративный капитализм, разновидности капитализма, институциональная комплементарность, либеральные, координируемые и смешанные рыночные экономики, зависимые рыночные экономики, встроенный неолиберализм, неокорпоратизм, клановый капитализм, гибридный капитализм, государственный капитализм.

Введение

Методологический и понятийный аппарат компаративного капитализма находится на этапе становления, поэтому он отличается определенной гибкостью в трактовке причинно-следственных связей формирования национальных моделей капиталистических отношений и разработке принципов их типологизации. В фокусе исследователей конца 1990-х — начала 2000-х гг. находились национальные особенности институциональной среды, определявшие характеристики деятельности субъектов предпринимательства в экономически развитых странах ОЭСР (разновидности капитализма П. Холла и Д. Соскиса; бизнес-системы Р. Уитли, за исключением китайской). Выбор данной группы стран в качестве объекта исследования объяснялся зрелостью капиталистических отношений и высоким уровнем их изученности, а также наличием соответствующей микроэкономической статистики.

Предложенная канадским и британским экономистами П. Холлом и Д. Соскисом дихотомия VoC-подхода (*varieties of capitalism*) — выделение двух моделей капитализма: либеральных рыночных экономик (ЛРЭ) и координируемых рыночных экономик (КРЭ) — в большинстве работ трансформировалась в типологию, базирующуюся на различных критериях и поэтому слабо связанные между собой. В основе теории разновидностей капитализма лежит предположение о сущностных различиях в механизмах меж- и внутрифирменной координации, сформировавшихся с течением времени в ЛРЭ и КРЭ и обусловленных в том числе развитием институциональной комплементарности (подр. см.: [Lobanov, Glinkina, 2019]). Разработанная для развитых стран мирохозяйственного Центра, бинарная теория со временем претерпела ряд модификаций, к которым можно отнести обоснование существования смешанного типа капитализма¹.

¹ П. Холл и Д. Соскис подчеркивают, что VoC-подход универсален и пригоден для анализа экономик с развивающимися рынками. Тем не менее географические рамки собственного при-

В качестве альтернативного подхода к выделению разновидностей капитализма в странах ОЭСР можно привести пример исследования французского экономиста Б. Амабля, который, опираясь на теории регуляции и эндогенного роста, в 2003 г. дифференцировал пять моделей капитализма. По его мнению, они различаются как по экономическим (рыночная конкуренция, корпоративное управление и финансовая система), так и по социальным характеристикам (уровень социальной защиты, институты рынка труда и образовательной системы). В качестве аналога ЛРЭ он рассматривает так называемую рыночную модель (США, Канада, Австралия, Великобритания) и выделяет также модель континентальной Европы (Германия, Австрия, Франция, Нидерланды, Бельгия), социально-демократическую (Дания, Финляндия, Швеция), средиземноморскую (Испания, Италия, Греция, Португалия) и азиатскую модели (Япония, Республика Корея). Несмотря на очевидную географичность типологии, Амабль полагает, что этнокультурные особенности выступают малозначимым фактором дивергенции капиталистических отношений [Amable, 2003].

Проблема выделения различных типов капитализма постепенно выходила за рамки описательных и количественных экономических исследований, приобретая междисциплинарный характер. В результате стали появляться работы на стыке областей знаний, ряд из которых претендовал на собственную «систему координат» при анализе разновидностей капитализма². Вместе с тем, несмотря на широкий спектр используемых критериев типологии капиталистических отношений, проблема анализа общих черт и различий между формами капитализма остается прежде всего экономической.

Цель данной работы — изучение особенностей развития капиталистических отношений в зарубежных странах с формирующимися рынками. К задачам статьи следует отнести сравнение основных подходов к типологизации национальных моделей капитализма в указанных странах и выявление современных тенденций и перспективных направлений эволюции компаративного капитализма. Анализ

кладного анализа авторы ограничивают странами ОЭСР: шесть из них они относят к ЛРЭ (США, Канада, Великобритания, Ирландия, Австралия, Новая Зеландия), десять — к КРЭ (Германия, Австрия, Швейцария, Нидерланды, Бельгия, Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Япония), а еще шесть — к отдельному третьему типу, который определяют как «средиземноморский» (Франция, Италия, Испания, Португалия, Греция, Турция) [Hall, Soskice, 2001]. В работе О. Молина и М. Роудс феномен смешанных рыночных экономик (mixed market economies) исследуется на примере Италии и Испании. Если в ЛРЭ и КРЭ преобладают соответственно рыночные и нерыночные механизмы координации, то в рассматриваемых странах они формируют различные комбинации. В этой связи уровень институциональной комплементарности очень низок, поэтому государство вынуждено активнее участвовать в процессах регулирования и устранения возникающих противоречий. Авторы указывают на сосуществование в странах Южной Европы двух разнонаправленных трендов — «рыночной колонизации» (распространение рыночных механизмов координации) и «автономной координации» (развитие ведущими игроками новых видов нерыночной координации) [Molina, Rhodes, 2007].

² К примеру, в одном из исследований Deutsche Bank анализируется влияние экономических реформ на удовлетворенность жизнью населения в 22 странах — членах ОЭСР. На основании десяти индикаторов «счастливого общества» (от низкой коррупции и безработицы до показателя естественного прироста) были выделены четыре разновидности капитализма: «счастливый» (11 стран), «менее счастливый» (5 стран), «несчастный» (3 страны) и «дальневосточный» (2 страны). К первой, к примеру, относятся США, Канада и страны Северной Европы, ко второй — Германия и Франция, к третьей — Италия и Греция, к четвертой — Япония и Республика Корея [Bergheim, 2007].

особенностей организации социально-экономических систем в зарубежных странах с формирующимися рынками позволяет с большей объективностью оценить отечественный опыт становления капиталистических отношений и придать импульс развитию новых исследований.

Процесс «метаморфизма» VoC-подхода на примере постсоциалистических стран

Теория компаративного капитализма, как и предполагалось, в большей степени эволюционировала в направлении сравнительного анализа формирующихся рынков, в том числе и стран с переходными экономиками. Расширение географического охвата исследований происходило за счет постсоциалистических государств: в большей степени — стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) и Юго-Восточной Европы (ЮВЕ) и в меньшей — стран СНГ.

Интерес к изучению особенностей капиталистических отношений в странах с переходной экономикой заметно возрос в первой половине 2000-х гг. как реакция на публикацию П. Холла и Д. Соскиса [Hall, Soskice, 2001]. Основная часть ученых относит себя к последователям теории разновидностей капитализма, критически адаптирующим ее положения к специфике постсоциалистических государств. Среди работ, рассматривающих именно эту группу стран, наибольшую значимость приобрели статья А. Нёлке и А. Флигентхарта и книга Д. Боле и Б. Грешковича [Nölke, Vliegenthart, 2009; Bohle, Greskovits, 2012].

Представляется целесообразным дифференцировать несколько направлений сравнительного анализа капиталистических отношений в бывших соцстранах.

Поддержка дихотомии VoC-подхода: «третьего пути» не существует

Приверженцы данного направления проецируют положения теории разновидностей капитализма на все капиталистические страны, апеллируя к ее универсальности. Согласно им, страны Центрально-Восточной Европы и Юго-Восточной Европы в своем развитии стремятся к «идеальным моделям» ЛРЭ или КРЭ. Следует отметить, что подобные взгляды преобладали в первые годы после выхода в свет статьи П. Холла и Д. Соскиса, но в дальнейшем не получили распространения. В одной из публикаций на основании сравнения Чешской Республики, Венгрии и Польши с другими членами ОЭСР утверждается, что государства ЦВЕ, хотя и образуют отдельную группу, по своим характеристикам близки к КРЭ [McMenamin, 2004].

Некоторые авторы предпринимали попытки найти среди стран региона типичные примеры ЛРЭ и КРЭ. Так, М. Фельдман и К. Бухен независимо друг от друга проанализировали механизмы координации деятельности фирм в Эстонии и Словении, что позволило им сделать вывод о том, что экономика первой из них относится к ЛРЭ, а второй — к КРЭ [Feldmann, 2006; Buchen, 2006]. Как и другие последователи бинарной теории разновидностей капитализма, авторы сознательно не учитывают ряд внутренних и внешних факторов, влияющих на формирование национальных моделей капиталистических отношений, к примеру наличие укоре-

нившихся различий в хозяйственно-культурном укладе или последствия внешне-экономической открытости отдельных стран региона.

Постепенная «гибридизация» моделей капитализма

Гипотеза о возникновении в постсоциалистических странах форм хозяйствования, сочетающих в себе элементы различных экономических систем, связана с более общим представлением о конвергенции моделей капитализма под влиянием процессов глобализации. По мнению ученых, относящихся к так называемым гиперглобалистам, данный процесс выступает неизбежным следствием конвергенции общественных институтов [Streeck, Thelen, 2005; Schelkle, 2012]. Наибольшее распространение данное течение получило в 1990-х гг. под влиянием растущего интереса к изучению эволюции мирового хозяйства и глобализации, однако впоследствии тезис о постепенном «стирании границ» между социально-экономическими моделями стал все чаще ставиться под сомнение. Аналогично прикладные исследования гибридных форм капитализма в ЦВЕ и ЮВЕ относятся, как правило, к концу 1990-х — началу 2000-х гг. В одном из них утверждается, что результатом перехода стран региона к новой экономической системе стало формирование неустойчивого гибридного капитализма, сочетающего в себе черты неолиберальной (США), социально ориентированной (Германия) и государственно ориентированной (Япония) моделей [Iankova, 2002].

«Метаморфизм» VoC-подхода: ЛРЭ, КРЭ и «третий путь»

Наиболее плодотворным стало развитие теории разновидностей капитализма в направлении увеличения числа моделей в связи с различиями между развитыми капиталистическими странами и странами с формирующимися рынками. Предполагается, что отдельные постсоциалистические страны действительно эволюционируют в классические типы ЛРЭ и КРЭ, но при этом возникает и процесс дивергенции капиталистических отношений, в результате чего формируются альтернативные модели. Данное направление в развитии теории разновидностей капитализма мы предлагаем называть «метаморфизмом» VoC-подхода.

К числу первых исследователей «метаморфизма» VoC-подхода в странах ЦВЕ и ЮВЕ необходимо отнести румынского экономиста и одного из ведущих экспертов Еврокомиссии Л. Черната. Результатом его эконометрических исследований начала 2000-х гг. стало выделение англосаксонской (аналог ЛРЭ: Чешская Республика, Венгрия, Эстония), континентальной (аналог КРЭ: Латвия, Литва) и девелопменталистской моделей (Польша, Словакия), а также «коктейльного капитализма» (Словения, Болгария, Румыния). «Коктейльный капитализм» (cocktail capitalism) сочетает в себе характеристики первых трех моделей, что является не преимуществом, а, наоборот, недостатком — комбинация различных практик хозяйствования снижает степень институциональной комплементарности, необходимой для эффективного функционирования [Cernat, 2002; 2004].

В ряде работ превалирует идея «особого пути» в ее адаптации к постсоциалистическим странам. К примеру, автор одного из исследований развития капитализма в прибалтийских государствах полагает, что ни одна из трех республик не

относится ни к ЛРЭ, ни к гибриднему типу. Вместо этого предлагается считать их особым типом «балтийского капитализма», или «гибким рынком», успешно приспособившимся к изменяющимся внешним условиям развития, что в том числе позволило избежать негативных последствий глобального экономического кризиса [Kuokstis, 2011]. Однако прерогатива формирующегося «балтийского капитализма» по использованию таких сравнительных преимуществ, как гибкость и быстрая адаптация, вызывает сомнения, равно как и его возможность противостоять внешним шокам. Способностью эволюционировать и приспособливаться, очевидно, характеризуются и зрелые капиталистические институты в ЛРЭ и КРЭ — в противном случае сложно объяснить их исторический успех.

Среди работ об альтернативных ЛРЭ и КРЭ моделях капитализма, вызвавших наибольший резонанс в научном сообществе, необходимо выделить совместное исследование двух политологов — А. Нёлке (Франкфуртский университет) и А. Флигентхарта (Амстердамский свободный университет). В статье, опубликованной в 2009 г., они задаются вопросом о применимости положений бинарной теории разновидностей капитализма к странам ЦВЕ (Чешская Республика, Словакия, Венгрия и Польша) [Nölke, Vliegenthart, 2009]. По мнению ученых, дихотомия VoC-подхода ограничивает возможности анализа государств с развивающимися рынками. Указывая на высокую вовлеченность данных стран в международное разделение труда и активное участие зарубежных ТНК в формировании институциональной среды, авторы предлагают относить их к третьей разновидности капитализма — зависимым рыночным экономикам (*dependent market economies*)³.

В отличие от двух классических разновидностей капитализма, привлечение иностранных инвестиций является для зависимых рыночных экономик (ЗРЭ) основным фактором роста, в результате чего с течением времени на их развитие все в большей степени начинают оказывать влияние зарубежные ТНК. Тезис о внешне-экономической открытости стран ЦВЕ А. Нёлке и А. Флигентхарт доказывают сопоставлением ряда показателей (объема экспорта к ВВП, притока ПИИ к ВВП и пр.). Конкурентные преимущества региона складываются благодаря эффекту комплементарности институтов, в числе которых — квалифицированная и сравнительно дешевая рабочая сила, внутрифирменная диффузия инноваций и обеспечение потребностей экономики в капитале за счет ПИИ. Выстраивание институтов для достижения собственных целей не составляет большой проблемы для ТНК, поскольку этот процесс начался в условиях институциональной «лакуны» после распада социалистической системы. Адаптация же норм и практик, характерных для ЛРЭ и КРЭ, с высокой вероятностью окажется неэффективной.

По мнению А. Нёлке и А. Флигентхарта, основным механизмом координации в ЗРЭ выступают внутренние иерархические связи ТНК. Приход иностранных инвесторов повлиял на систему корпоративного управления в ЦВЕ: в частности, вместо совместного принятия стратегических решений топ-менеджерами и акционерами в странах региона менеджмент дочерних предприятий ТНК координирует свои действия с деятельностью зарубежных штаб-квартир. В отличие от ЛРЭ и КРЭ, где основным источником финансирования экономики выступают фондовый рынок и банковское кредитование соответственно, в ЗРЭ ключевую роль игра-

³ А. Нёлке и А. Флигентхарт сознательно заимствуют данное понятие из работ социолога Л. Кинга [King, 2007].

ет привлечение ПИИ, в результате чего относящиеся к ним страны становятся нето-импортерами капитала. Иностраный капитал доминирует во всех основных отраслях международной производственной специализации данных стран, а ввиду высокого уровня его проникновения в финансовый сектор кредитная политика местных банков также определяется ТНК.

Влияние на трудовые отношения общественных институтов, которые на Западе регулируются на отраслевом или национальном уровнях, является ограниченным, а договоренности между работодателями и работниками носят внутрифирменный характер. В связи с этим ТНК не заинтересованы в упорядочивании отношений на рынке труда, поддерживая низкую стоимость рабочей силы и ограничивая возможности занятых объединяться с целью влияния на условия труда⁴. Относительно дешевая и квалифицированная рабочая сила предопределила развитие в ЦВЕ экспортно ориентированных сборочных производств, преимущественно в средне-технологичных трудоемких отраслях. Благодаря ТНК они встроены в трансграничные цепочки добавленной стоимости, усиливая позиции данного региона как одной из «глобальных сборочных платформ» [Pickles et al., 2006].

А. Нёлке и А. Флигентхарт указывают, что государственные стандарты профессионального обучения скорректированы под потребности ТНК, при этом расходы самих компаний на подготовку кадров минимальны. Учитывая факт дефицита бюджетных средств для должного финансирования системы образования и науки в странах ЦВЕ, такое унаследованное от социализма конкурентное преимущество, как квалифицированная рабочая сила, постепенно сходит на нет. В отличие от ЛРЭ и КРЭ, собственные НИОКР носят здесь в основном имитационный характер, а ключевые инновации имеют зарубежное происхождение и инкорпорируются ТНК в локальные производственные системы.

Примечательно, что авторы сомневаются не только в перспективах ЗРЭ в отношении сохранения своих конкурентных преимуществ, к обладанию которыми стремятся другие постсоциалистические страны, но и в целом в жизнеспособности данного типа капитализма. В то же время они не видят предпосылок для дальнейшей возможной трансформации ЗРЭ в ЛРЭ (как это произошло, например, с Ирландией). Что касается распространения этой разновидности капиталистических отношений на постсоветском пространстве, то А. Нёлке и А. Флигентхарт, соглашаясь с аргументацией Л. Кинга, считают такой сценарий маловероятным: в странах с развивающимися рынками (в том числе и в среднеазиатских) формируется «клановый капитализм» с присущими ему патрон-клиентскими отношениями и внутриэлитным противостоянием за обладание ресурсами.

Дивергенция разновидностей капитализма: поиск альтернативы VoC-подходу

Данный подход объединяет исследователей, критически относящихся к использованию в компаративном капитализме VoC-подхода и разрабатывающих

⁴ Вместе с тем ТНК стараются не переусердствовать в ограничении роли профсоюзов: забастовки на местных предприятиях, встроенных в глобальные цепочки добавленной стоимости, могут оказать негативный эффект на другие компании — участницы производственного цикла (подр. см.: [Greskovits, 2008]).

альтернативные типологии капиталистических отношений. Критерии предлагаемых ими типологий не ограничиваются межстрановыми различиями в функционировании фирм и могут включать учет степени государственного контроля над экономикой, особенностей взаимодействия социальных стратов (включая политические элиты), места страны в международном разделении труда (МРТ), уровня внешнеэкономической открытости и связанных с ним изменений в характере контроля над национальной экономикой (например, появление новых стейкхолдеров — ТНК) и др. Примечательно, что такая вариативность системы критериев сочетается с расширением географического охвата анализируемых постсоциалистических стран за счет бывших республик СССР.

Одним из направлений в рамках данного подхода выступает теория так называемого зависимого капитализма (*dependent capitalism*), предложенная социологом Л. Кингом в 2000-е гг. Отметим, что его разработки легли в основу позднейшего исследования зависимых рыночных экономик в странах ЦВЕ А. Нёлке и А. Флигентхарта [Nölke, Vliegenthart, 2009]. Концепция зависимого развития мирохозяйственной периферии получила распространение в 1960–1970-е гг., а с 1990-х гг. появились различные варианты ее адаптации к странам с переходной экономикой, открывшим свои рынки иностранному капиталу. В одной из первых работ на данную тему Л. Кинг сравнивает общественно-политические институты России и Польши, а также определяющие характеристики предпринимательской среды, и приходит к выводу о том, что к началу 2000-х гг. ни в одной из стран не сформировался капитализм «западного толка» [King, 2002]. В России, по мнению автора, в результате перехода возник неэффективный в долгосрочной перспективе «клановый капитализм» (*patrimonial capitalism*), тогда как в Польше — относительно конкурентоспособная форма капитализма, зависящая от регулярного импорта капитала за счет ТНК.

В дальнейших работах Кинг развивает эту идею: страны ЦВЕ опираются на зарубежных инвесторов с целью повышения изначально низкого образовательного (профессиональные навыки занятых) и технологического потенциала, а становление в них капитализма следует рассматривать сквозь призму их участия в МРТ. Однако инвесторы не заинтересованы брать на себя роль государства в развитии системы образования и профессионального обучения и, кроме того, стремятся ограничить права и без того слабых профсоюзов на улучшение условий труда занятых. Признавая факт экономической зависимости государств региона от решений ТНК и иностранных банков, но при этом полагая либеральными их политические системы, автор вводит несколько громоздкое понятие «либерального зависимого посткоммунистического капитализма» (*liberal dependent post-communist capitalism*). В большинстве остальных посткоммунистических стран государственную систему разрушают патрон-клиентские отношения, что позволяет вести речь о «клановом посткоммунистическом капитализме» (*patrimonial post-communist capitalism*) [King, 2007]. Таким образом, сравнительные преимущества стран ЦВЕ связаны со способностью привлекать ПИИ и ограждать бюрократические структуры от распространения коррупции.

В работах британского социолога Д. Лэйна используются схожие критерии дифференциации капиталистических отношений в постсоциалистических государствах. Автор различает три группы стран: первая характеризуется относительно

но высоким уровнем экономического развития и степенью участия в МРТ, вторая — крайне низкой интеграцией в мирохозяйственные отношения и смешанным типом рыночных отношений, а третья — активным вмешательством государства в экономику [Lane, 2005].

В ряду исследований капиталистических отношений в европейских постсоциалистических странах выделяются совместные публикации немецкого политолога Д. Боле и венгерского политэкономиста Б. Грешковича (вторая половина 2000-х — начало 2010-х гг.). Основной причиной капиталистической дивергенции исследователи считают внутренние и внешние политико-экономические факторы, а не институциональные, как в рамках классического VoC-подхода. Унаследованные характеристики политических систем в переходный период видоизменяются под влиянием решений национальных и международных акторов (например, ТНК или ведомств Евросоюза), в результате чего формируются различные типы капитализма⁵. Некритичную адаптацию VoC-подхода к реалиям постсоциалистических стран авторы считают ошибочной: уровень институциональной комплементарности в них низок (из-за незрелости самих институтов капитализма), поэтому она и не может выступать определяющим фактором.

В исследовании Д. Боле и Б. Грешковича выделяются четыре вариации капиталистических отношений в странах ЦВЕ и ЮВЕ [Bohle, Greskovits, 2012]. Прибалтийские государства авторы относят к «неолиберальному капитализму» (neoliberal capitalism): радикальные рыночные реформы (в особенности в Эстонии) сочетались здесь с нежеланием государства сглаживать нараставшие социальные диспропорции, а бюджетно-налоговая и монетарная политика ориентировалась на наиболее либеральные западные образцы. Интеграция этих стран в мировую экономику происходила за счет развития иностранными инвесторами трудоемких низкотехнологических отраслей.

В странах Вишеградской группы (Польша, Чешская Республика, Словакия и Венгрия) развивается «встроенный (компромиссный) неолиберализм» (embedded neoliberalism), который характеризуется функционированием экспортно ориентированных производственных платформ на базе привлекаемых ПИИ, причем очевидная рыночная ориентация сопровождается активной деятельностью государства по поддержке социально незащищенных слоев населения. Необходимо отметить, что предрасположенность к использованию именно этой модели капитализма была выше в Польше и Венгрии, где процессы демократизации начались еще до кризиса социалистической системы. Вместе с тем Д. Боле и Б. Грешкович сомневаются в осознанности выбора политическими элитами на начальном этапе «национального строительства» (например, в Польше) модели ориентации на внешние рынки. Преследуя собственные интересы, ТНК искусственно создавали конкуренцию этих стран за инвестиции и не считали необходимым способствовать модернизации местных экономик. Кроме того, авторы полагают, что наднациональные

⁵ На разработку подхода Д. Боле и Б. Грешковича оказал влияние американский ученый К. Полани. В своей книге «Великая трансформация» он доказывает, что для формирования рыночного общества в равной степени необходимы капиталистические отношения и сильное государство, а стремление к хозяйственной эффективности должно сопровождаться реализацией мер социальной защиты [Polanyi, 1944].

органы управления ЕС, акционеры ТНК и другие внешние акторы и ныне подрывают стабильность институтов «встроенного неолиберализма».

Особенности развития Словении позволили Д. Боле и Б. Грешковичу выделить ее экономику в отдельный тип капитализма — «неокорпоратизм» (neocorporatism), для которого характерны активная роль государства и развитые институты рынка труда. Реформы были предметом широкого общественно-политического диалога и проводились постепенно, а внешние акторы не заняли командных высот в экономике. Распространение патрон-клиентских отношений в странах ЮВЕ, которые авторы именуют «слабыми государствами» (weak states), напротив, сопровождалось перераспределением рычагов управления в пользу иностранных инвесторов. Интересно, что в одной из работ исследователи делают нетривиальный вывод о характере институционального строительства в России, Казахстане и Азербайджане: по их мнению, несмотря на более высокий уровень государственного вмешательства, указанные страны в 1990-е гг. были близки к прибалтийскому неолиберализму, поскольку беспартийно придерживались рецептов либеральных реформ, предлагавшихся международными организациями, и не считались с их социальными последствиями [Bohle, Greskovits, 2007].

Чешские экономисты Я. Драгокупил и М. Мянц, представляющие Европейский институт профсоюзов (г. Брюссель), проанализировали капиталистические отношения в постсоциалистических странах, акцентируя внимание на различных формах их интеграции в мировую экономику [Drahokoupil, Myant, 2015]. Не противопоставляя свою методологию VoC-подходу, они тем не менее выделяют пять условных разновидностей капитализма и используют совершенно иные критерии, связывая типы капитализма с преобладанием той или иной формы международной интеграции⁶.

Считая понятие «зависимые рыночные экономики» не отражающим реальное положение дел, они объединяют страны ЦВЕ как «рыночные экономики, базирующиеся на ПИИ» (FDI-based market economies): их интеграция с развитыми государствами ЕС обусловлена экспортом контролируемых ТНК предприятий, а отношения государства и бизнеса строятся на принципе невмешательства. Наличие демократических политических систем и экспорт низкотехнологичных трудоемких товаров (в том числе в рамках субконтрактинга) характерны для «периферийных рыночных экономик» (peripheral market economies), к которым авторы относят существенно различающиеся группы стран — государства ЮВЕ и Прибалтики. «Командные государства» (order states) Беларусь и Узбекистан отличаются авторитарная форма правления, протекционизм, государственный контроль над ключевыми отраслями хозяйства и, что совсем не очевидно, производство высокотехнологичной продукции без притока ПИИ. Особенность «олигархического капитализма» (oligarchic/clientalistic capitalism) — взаимовлияние политических элит и предпри-

⁶ Я. Драгокупил и М. Мянц выделяют четыре формы интеграции за счет встраивания в производственные сети (созданные с участием ПИИ и без них экспортно ориентированные сложные производства, технологически несложные субконтрактные производства, выпуск полуфабрикатов) и две формы финансовой интеграции (как результат трансграничного движения капитала и переводов из-за рубежа). Однако для типологии использовался весьма ограниченный набор индикаторов за один год (все — по отношению к ВВП, в %): объем выпуска сложной продукции, топлива, товаров легкой промышленности, потребительских товаров, а также ПИИ и денежных переводов [Drahokoupil, Myant, 2015].

нимателей, возникающее как в богатых, так и в бедных ресурсами странах (Россия, Украина, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан). Наконец, единственным критерием отнесения к «экономикам денежных переводов» (remittance/aid-based economies) является высокий показатель поступлений средств от трудовых мигрантов (Армения, Кыргызстан, Таджикистан, Молдавия, Албания, Босния и Герцеговина).

Кратко характеризуя представленные результаты, следует отметить, что отнесение указанных стран к выделенным типам капитализма весьма условно, а сама методика их дифференциации вызывает вопросы.

Расширение географического охвата исследований компаративного капитализма в XXI в.

В XXI в. объектом исследовательского интереса ученых, занимающихся проблематикой дифференциации национальных и региональных моделей капитализма, стали расположенные в Азии, Африке и Южной Америке страны мирохозяйственной полупериферии и периферии. При этом в наибольшей степени изучены особенности развития капиталистических отношений в крупнейших развивающихся экономиках мира, в первую очередь опыт построения так называемого государственного капитализма в Китае.

Современные особенности изучения моделей капитализма в странах зарубежной Азии, Африки и Южной Америки

Исследование капиталистических отношений в странах Азии (в особенности в Японии и Китае) относится к числу наиболее распространенных направлений развития современного компаративного капитализма. Теоретические основы VoC-подхода были сформированы под влиянием работ начала 1990-х гг. по институциональной комплементарности и национальным особенностям предпринимательства именно на примере Японии (в первую очередь статьи М. Аоки) [Aoki, 1994]. В XXI в. число сравнительных исследований капитализма в странах Азии заметно увеличилось, причем наблюдается очевидный интерес к специфике экономических отношений в Китае. Вместе с тем классифицировать их по полученным результатам весьма затруднительно, поскольку авторы приходят к разным (и нередко взаимоисключающим) выводам.

К первой группе исследований целесообразно отнести работы авторов, убежденных в гибридном характере капитализма «по-азиатски» — заимствовании рыночных институтов Запада с сохранением некоторых национальных черт. К примеру, многие считают японский капитализм (в особенности в сфере корпоративного управления и трудовых отношений) проявлением именно такой гибридной формы, причем происходит своеобразный институциональный взаимообмен: японские предприниматели не только перенимают эффективные практики, но и переносят элементы традиционной системы управления на зарубежные рынки [JapAnglo-Saxon capitalism, 2007]. В книге М. Аоки, Г. Джексона и Х. Миядзимы приведен анализ деятельности свыше 700 японских компаний, которые авторы разделяют на три группы: около $\frac{1}{4}$ из них используют гибридную, $\frac{2}{5}$ — традиционную модель

управления, а $\frac{1}{3}$ часть занимает промежуточное положение. Ученые приходят к выводу, что сравнительные конкурентные преимущества гибридных фирм существенно выше, равно как и финансовые результаты их функционирования. При этом они отмечают устойчивость японской гибридной модели управления и отсутствие свидетельств ее постепенной трансформации в классическую англосаксонскую модель [Aoki, Jackson, Miyajima, 2007].

Некоторые исследователи относят специфические экономические отношения в Китае тоже к гибридным, в особенности это касается специальных административных районов Гонконг и Макао. Так, китайский географ Г. Юнг в результате изучения хозяйственного уклада Гонконга и предпринимательских практик китайской диаспоры в Сингапуре делает вывод о существовании динамично развивающегося на этих территориях «китайского капитализма». Традиционная семейственность и клановость как характеристики ведения бизнеса под влиянием глобализации постепенно уступают адаптированным западным нормам и практикам, однако их полного растворения в универсальной институциональной среде, по его мнению, все же не произойдет [Yeung, 2004].

Вторая группа исследований компаративного капитализма в Азии связана с изучением роли государства в экономике, а также влияния на нее национальных управленческих элит. В фокусе исследователей капитализма с государственным участием чаще всего оказывается Китай⁷. Идея о капиталистических отношениях, направление развития которых задается государством-регулятором (state-guided capitalism), отражена, в частности, в книге известного американского экономиста У. Баумоля, написанной в соавторстве с Р. Литаном и К. Шраммом [Baumol, Litan, Schramm, 2007]. Помимо селективной политики государства решающую роль могут играть действия влиятельных олигархических групп (oligarchic capitalism), крупных корпораций (big-firm capitalism) или небольших инновативных фирм (entrepreneurial capitalism). Характерно, что речь не идет о национальных моделях: в каждой из стран сосуществуют и активно взаимодействуют как минимум две из указанных форм капиталистических отношений⁸.

Тема становления государственного капитализма в Китае давно вышла за пределы научно-исследовательской сферы и во все возрастающей степени становится предметом широкого обсуждения. Так, эксперты журнала *The Economist* в специальном докладе делают прогноз, согласно которому XXI в. станет противостоянием различных типов капитализма. Несмотря на то что отдельные элементы государственной селективной политики появились еще в период холодной войны (например, в Японии или Республике Корея), расцвет различных форм государственного капитализма (в Китае, РФ, Бразилии, ряде арабских стран и др.) приходится на начало XXI в. Авторы доклада отмечают, что, опираясь на рыночные практики, управленцам удалось создать большое число эффективных государственных компаний, имеющих глобальные сравнительные преимущества, в особенности в ре-

⁷ Существование специфической «китайской» (или «пекинской») модели капитализма некоторыми исследователями ставится под сомнение, поскольку ее исключительность является спорной, а само продвижение этой идеи связано с созданием имиджа Китая как нового глобального экономического лидера [Beware the Beijing model, 2009].

⁸ Следует отметить, что У. Баумоль и его соавторы называют наиболее эффективным сочетание «капитализма больших фирм» и «предпринимательского капитализма».

сурсоемких отраслях экономики⁹. К примеру, китайские компании, как правило, характеризуются вертикально интегрированной структурой и сравнительно высоким уровнем производственной специализации, а также получают всемерную помощь государства в освоении и воспроизведении импортируемых технологий и ноу-хау. В числе основных вызовов государственного капитализма — высокие риски его перерождения в коррупционную систему олигархического обогащения и nepотизма.

Возвращаясь к проблеме места государственного капитализма в системе культурно-хозяйственных укладов стран Азии, следует упомянуть ряд публикаций. Так, анализируя влияние государственных органов и частных предпринимателей на функционирование экономики, С. Чжан и Р. Уитли приходят к выводу о существовании в Азии четырех национальных типов капитализма — «государственного», «совместно управляемого» (государством и бизнесом), «сетевое» и «персонализированного» [Zhang, Whitley, 2013]. В свою очередь, исследование иерархических форм координации субъектов экономики в азиатских странах позволило Р. Карни выделить две альтернативные (по отношению к западным ЛРЭ и КРЭ) разновидности капитализма — «семейные» и «государственные» рыночные экономики [Carney, 2016].

Учитывая размер китайской экономики и ее внутреннюю социально-экономическую неоднородность, ученые, работы которых можно отнести к третьей группе исследований, указывают на формирование в КНР не общенациональной, а нескольких региональных моделей капитализма. Данную идею целесообразно связать с более общим трендом выделения субнациональных моделей капиталистических отношений, который можно назвать полимасштабным подходом в компаративном капитализме¹⁰. В случае Китая сомнению подвергается возможность не критичной проекции характеристик западных ЛРЭ и КРЭ на китайскую экономику. Так, в работах канадских географов Ю. Чжана и Д. Пека указывается на ошибочность использования национальных моделей капитализма в странах с существенной пространственной гетерогенностью. Они утверждают, что в Китае существуют субнациональные (региональные) модели капитализма, обусловленные различной включенностью территориальных образований в глобальные производственные цепочки, или в более общем виде — их местом в национальном и международном разделении труда [Zhang, Peck, 2016; Peck, Zhang, 2013].

Наконец, к четвертой группе исследований относятся работы, авторы которых доказывают необходимость поиска альтернативы VoC-подходу и описывают дивергентные разновидности капитализма в азиатских странах. К примеру, адаптация положений французской школы регулирования к современной азиатской

⁹ Согласно оценке авторов доклада, свыше $\frac{2}{3}$ компаний из списка Fortune 500, охватывающего ведущие предприятия формирующихся рынков, являются государственными. Кроме того, около $\frac{1}{3}$ накопленного на этих рынках объема ПИИ в 2000-е гг. также было вложено в развитие фирм под контролем государства [The visible hand, 2012].

¹⁰ В основе подхода, который развивают преимущественно представители экономической географии и региональной экономики, лежит идея неоднородного/разнообразного капитализма (variegated capitalism) применительно к тем странам, где феномен неоднородности пространства проявляется в наибольшей мере. Таким образом, основным критерием выделения моделей капитализма в условиях интернационализации выступают не национальные институты, а функциональные характеристики глобальных производственных цепочек [Peck, Theodore, 2007].

специфике позволила выделить японскую, китайскую и корейскую разновидности капитализма [Boyer, Uemura, Isogai, 2012]. Используя понятие бизнес-систем при анализе 13 азиатских экономик, М. Уитт и Г. Реддинг выстраивают довольно громоздкую их типологию (постсоциалистическая, развитая городская, японская, формирующаяся юго-восточная, развитая северо-восточная). Внимание акцентируется на том, что, за исключением Японии, ни одну из разновидностей капитализма в Азии невозможно соотнести с классическими ЛРЭ и КРЭ [Witt, Redding, 2013].

Государства Африки и Южной Америки привлекают внимание исследователей компаративного капитализма как объект качественного или количественного анализа достаточно редко. Отчасти это связано с незavidным местом большинства из них на современном этапе развития мирового хозяйства, незрелостью формальных институтов и дефицитом сведений о неформальных нормах функционирования их экономик. Однако некоторые публикации сыграли заметную роль в развитии представлений о капитализме формирующихся рынков. Речь идет об исследованиях иерархических рыночных экономик (ИРЭ).

Изучение капиталистических отношений в Африке базируется как на терминологии бизнес-систем Р. Уитли, так и на положениях VoC-подхода. В первом случае следует отметить работу Д. Вуда и Е. Фринаса о внутренне неоднородной сегментированной бизнес-системе (*segmented business system*) в странах Восточной Африки, которая приводит к экономической отсталости и перераспределению ресурсов в пользу элит [Wood, Frynas, 2006]. Во втором случае интерес вызывает статья Н. Натрасс, в которой развитие рыночных институтов в ЮАР описывается в рамках дихотомии ЛРЭ и КРЭ [Natrass, 2014].

Капитализм в Латинской Америке, по мнению американского политолога Б. Р. Шнайдера, представлен в форме иерархических рыночных экономик: нерыночные иерархические связи доминируют в предпринимательской среде (в том числе и в организационной структуре ТНК) и определяют характер трудовых отношений. Подобные ИРЭ существуют только в этом макрорегионе и имеют такие особенности, как: распространение диверсифицированных частных корпораций, как правило под контролем одной семьи (*grupo económico*); присутствие подразделений ТНК; низкая квалификация рабочей силы; наличие сегментированных рынков труда (как результат слабости профсоюзов и других формальных объединений занятых). Таким образом, Латинская Америка представляет собой пример институциональной комплементарности с отрицательными последствиями для развития экономики [Schneider, 2009; 2013].

Исследования глобального охвата как новый тренд в эволюции компаративного капитализма

Даже самые первые исследования в рамках компаративного капитализма были глобальными по пространственному охвату, однако они затрагивали лишь несколько развитых стран из разных макрорегионов мира. В период активного роста интереса к проблематике выделения национальных форм капитализма в конце 1990-х — 2000-х гг. ученые стали изучать особенности формирующихся рынков с их дифференциацией по территориальному принципу (страны ЦВЕ, Восточной

Азии, Латинской Америки и т. д.) и сопоставлением с классическими разновидностями капитализма государств — членов ОЭСР.

Под исследованиями глобального охвата следует понимать сравнительный анализ экономических систем десятков стран, различающихся не только по территориальной принадлежности, но и по степени зрелости капиталистических отношений. Научные работы на рассматриваемую тему стали появляться во второй половине 2010-х гг., и, учитывая быстрое накопление знаний о данном предмете, возникновение этого тренда было только вопросом времени.

К примеру, в 2017 г. международная группа ученых (в ее состав входили М. Уитт и Д. Боле) опубликовала эконометрическое исследование о разновидностях капитализма на примере 61 ведущей экономики мира (авторы отмечают, что суммарный ВВП выборки приближается к 94% от общемирового) [Witt et al., 2017]. Основываясь на принципах выделения бизнес-систем Р. Уитли, они расширяют перечень индикаторов до двух десятков: от типа государственного управления и преобладающих форм собственности до уровня грамотности населения и особенностей профсоюзных движений в разных странах. При этом авторы допускают увеличение числа важных для проведения типологии факторов, в частности культурных. Результаты расчетов позволили им сделать вывод о существовании девяти видов экономических систем¹¹ [Witt et al., 2017].

Исследователи подтверждают жизнеспособность классических разновидностей капитализма: приводимый ими перечень либеральных и координируемых рыночных экономик почти в точности соответствует списку ЛРЭ и КРЭ, обозначенных пятнадцатью годами ранее П. Холлом и Д. Соскисом [Hall, Soskice, 2001]. Исключение составляет Япония, для обособления которой были выделены «экономики с высоким уровнем координации». Самой многочисленной и поэтому наименее гомогенной группой (свыше 20 государств) стали «формирующиеся экономики»: в ней соседствуют такие разные по хозяйственному укладу страны, как Россия, Бангладеш, Алжир, Нигерия, Перу и Китай. По мнению авторов, более высокие показатели ВВП на душу населения явились ключевым фактором образования группы «развитых формирующихся экономик», состав которой тоже небесспорен (Чили, ЮАР, Израиль, Тайвань и др.). Постсоциалистические государства ЦВЕ и ЮВЕ и страны Южной Европы авторы отнесли к одному и тому же виду хозяйственных систем — «европейским периферийным экономикам». Наконец, страны, не укладывавшиеся ни в один из вышеперечисленных форматов, были распределены по трем группам — «социалистические экономики» (Куба, Венесуэла), «развитые городские экономики» (Гонконг, Сингапур) и «арабские нефтяные экономики» (ОАЭ, Саудовская Аравия и др.).

Основываясь на проведенной типологии, ученые пришли к выводу о неприменимости к большинству стран дихотомии VoC-подхода, а также об отсутствии предпосылок к выделению в качестве хозяйственной системы государственного

¹¹ Для расчетов использовались данные ЮНКТАД, Всемирного банка (показатели легкости ведения бизнеса из доклада «Ведение бизнеса» — Doing Business Report), индикаторы качества государственного управления (Worldwide Governance Indicators), ООН («Отчет о развитии человечества» — Human Development Report), Международной конфедерации профсоюзов. С целью учета влияния качественных признаков в модель включались фиктивные переменные. В качестве метода иерархического кластерного анализа был выбран метод невзвешенного попарного среднего, в результате чего была получена дендрограмма кластеров экономических систем.

капитализма, поскольку экономики с соответствующими характеристиками оказались распределены по многим группам.

Учитывая географический охват выборки, выдвинутая авторами типологии задача выявления общностей и объединения стран в экономические системы не представляется тривиальной. Тем не менее, даже оставив в стороне вопрос о составе групп, следует обратить внимание на весьма спорное использование для одной типологии различных типологических признаков — институциональных (ЛРЭ и КРЭ), этнических («арабские экономики»), структурно-организационных («городские экономики»), центр-периферийных отношений («европейские периферийные экономики»).

Заключение

Важной особенностью современного этапа развития теории компаративного капитализма является смещение фокуса исследования с экономически развитых стран на государства мирохозяйственной полупериферии и периферии. Разнообразие принципов типологизации капиталистических отношений в развивающихся странах и странах с формирующимися рынками позволяет сделать вывод о том, что вопрос обоснованности проекции на них классических подходов («разновидности капитализма» П. Холла и Д. Соскиса, бизнес-системы Р. Уитли) остается открытым.

Среди указанных стран особое место занимают постсоциалистические государства, в том числе вследствие уникального опыта формирования новой институциональной среды. В статье предложено различать четыре направления сравнительного анализа капиталистических отношений в этих странах. Часть исследователей, вслед за П. Холлом и Д. Соскисом, убеждены в универсальности принципа дихотомии VoC-подхода в его приложении к государствам с разным культурно-хозяйственным укладом. Другие продвигают идею о возникновении в постсоциалистических странах гибридных форм капитализма как проявления глобальной социально-экономической конвергенции.

Противники гиперглобалистов заявляют о наличии «особого пути» развития бывших соцстран, обусловленном в том числе «эффектом колеи». Таким образом, происходит процесс, который можно назвать «метаморфизацией» VoC-подхода, — речь идет об эволюции отдельных постсоциалистических стран в ЛРЭ и КРЭ, сопровождающейся становлением альтернативных типов капитализма в других странах. К примеру, А. Нёлке и А. Флигентхарт предлагают относить восточноевропейские государства к «зависимым рыночным экономикам», указывая на высокий уровень их вовлеченности в международное разделение труда и активную роль зарубежных ТНК в создании институциональной среды (внутренние иерархические связи ТНК как основной механизм координации).

Наконец, в исследованиях четвертого направления перспективы бинарной теории разновидностей капитализма оцениваются критически и предлагается значительное число альтернативных критериев типологизации, таких как: степень вмешательства государства в хозяйственные отношения и особенности социальной стратификации («зависимый» и «клановый капитализм» Л. Кинга); унаследованные характеристики политико-экономической организации, видоизменяющиеся

под влиянием внешних факторов («неолиберальный капитализм», «встроенный неолиберализм» и «неокорпоратизм» Д. Боле и Б. Грешковича); формы международной производственной и финансовой интеграции («рыночные экономики, базирующиеся на ПИИ», «периферийные рыночные экономики» и другие типы капитализма, выделенные Я. Драгокупилом и М. Мянтом).

Сравнительные исследования моделей капитализма в странах Азии, Африки и Латинской Америки, как правило, имеют макрорегиональный масштаб и опираются на предположение о постепенной дивергенции капиталистических отношений. При этом важное место занимают работы о специфических (географически детерминированных) формах капитализма, например «иерархических рыночных экономиках» Латинской Америки, китайском и японском типах капитализма и т. д. В конце 2010-х гг. были сделаны первые попытки типологизации стран, различающихся не только по территориальной принадлежности, но и по степени зрелости капиталистических отношений. Однако в связи с широтой охвата исследований для типологизации используются содержательно не связанные друг с другом «плавающие признаки», что усложняет процесс сопоставления выделяемых моделей капитализма.

В числе современных тенденций эволюции компаративного капитализма — рост интереса к сравнению принципов хозяйственной организации в странах Азии и развитых государствах других макрорегионов мира. На наш взгляд, следует различать несколько основных подходов к объяснению механизмов формирования азиатских капиталистических обществ.

Согласно первому из них, в азиатских странах происходит процесс специфической «гибридизации» локальных и западных институтов, сопровождающийся «переносом» местных норм и практик на зарубежные рынки (можно назвать это феноменом институционального обмена). Примечательно, что подобные гибридные модели считаются устойчивыми к проявлениям межстрановой институциональной конвергенции. Второй распространенный подход — обособление в пределах национальных границ дивергентных форм капитализма (японского, корейского, китайского и т. д.). В рамках третьего подхода исследуются азиатские формы государственного капитализма, в том числе различия в характере влияния на экономику управленческих и предпринимательских элит.

Пространственная неоднородность ведущих азиатских экономик (в первую очередь Китая) становится важной предпосылкой развития нового направления компаративного капитализма, который мы предлагаем называть полимасштабным подходом: выделение субнациональных моделей капиталистических отношений с учетом роли регионов различных иерархических уровней в территориальном и международном разделении труда, в том числе на основании их вовлеченности в глобальные производственные цепочки.

Литература/References

- Amable B. (2003) *The Diversity of Modern Capitalism*. Oxford, Oxford University Press. 326 p.
- Aoki M. (1994) The Japanese firm as a system of attributes: a survey and research agenda. In: *The Japanese firm: Sources of competitive strength*. Aoki M., Dore R. (Eds). Oxford, Oxford University Press, pp. 11–40.

- Aoki M., Jackson G., Miyajima H. (Eds) (2007) *Corporate governance in Japan: Institutional change and organizational diversity*. Oxford, Oxford University Press. 459 p.
- Baumol W.J., Litan R.E., Schramm C.J. (2007) *Good capitalism, bad capitalism, and the economics of growth and prosperity*. Yale University Press. 321 p.
- Bergheim S. (2007) *The happy variety of capitalism: characterised by an array of commonalities*. Deutsche Bank Research. 22 p.
- Beware the Beijing model. *The Economist*. May 26, 2009.
- Bohle D., Greskovits B. (2007) Capitalist diversity in Eastern Europe. *Economic sociology — the european electronic newsletter*, vol. 8, no. 2, pp. 3–9.
- Bohle D., Greskovits B. (2012) *Capitalist Diversity on Europe's Periphery*. Ithaca, New York, Cornell University Press. 304 p.
- Boyer R., Uemura H., Isogai A. (Eds) (2012) *Diversity and Transformations of Asian Capitalisms*. Abingdon, Routledge. 416 p.
- Buchen C. (2006) Estonia and Slovenia as Antipodes. In: *Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries*. Lane D., Myant M. (Eds). Houndmills, Basingstoke, Palgrave Macmillan, pp. 65–89.
- Carney R. W. (2016) Varieties of hierarchical capitalism: family and state market economies in East Asia. *The Pacific Review*, vol. 29, no. 2, pp. 137–163.
- Cernat L. (2002) Institutions and Economic Growth: Which Model of Capitalism for Central and Eastern Europe? *Journal for Institutional Innovation, Development, and Transition*, vol. 6, no. 1, pp. 18–34.
- Cernat L. (2004) The Emerging European Corporate Governance Model: Anglo-Saxon, Continental, or Still the Century of Diversity? *Journal of European Public Policy*, vol. 11, no. 1, pp. 147–166.
- Drahokoupil J., Myant M. (2015) Putting comparative capitalisms research in its place: varieties of capitalism in transition economies. In: *New Directions in Comparative Capitalisms Research*. Ebenau M., Bruff I., May C. (Eds). London, Palgrave Macmillan, pp. 155–171.
- Feldmann M. (2006) Emerging Varieties of Capitalism in Transition Countries: Industrial Relations and Wage Bargaining in Estonia and Slovenia. *Comparative Political Studies*, vol. 39, pp. 829–854.
- Greskovits B. (2008) Leading sectors and the variety of capitalism in Eastern Europe. In: *State and society in post-socialist economies*. Pickles J. (Ed.). London, Palgrave Macmillan, pp. 19–46.
- Hall P., Soskice D. (2001) An Introduction to Varieties of Capitalism. In: *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. Hall P., Soskice D. (Eds). Oxford, Oxford University Press, pp. 1–68.
- Iankova E. A. (2002) *Eastern European Capitalism in the Making*. Cambridge, Cambridge University Press. 238 p.
- JapAnglo-Saxon capitalism. *The Economist*. November 29, 2007.
- King L. (2007) Central European Capitalism in Comparative Perspective. In: *Beyond Varieties of Capitalism: Conflict, Contradictions, and Complementarities in the European Economy*. Hancké B., Rhodes M., Thatcher M. (Eds). Oxford, Oxford University Press, pp. 307–327.
- King L. (2002) Postcommunist Divergence: A Comparative Analysis of the Transition to Capitalism in Poland and Russia. *Studies in Comparative International Development*, vol. 37, no. 3, pp. 3–34.
- Kuokstis V. (2011) What type of capitalism do the Baltic countries belong to? *Emecon*, vol. 1.
- Lane D. (2005) Emerging Varieties of Capitalism in Former State Socialist Societies. *Competition and Change*, vol. 9, no. 2, pp. 27–47.
- Lobanov M. M., Glinkina S. P. (2019) Problems of the evolution of the comparative capitalism theory from the mid-20th century (the example of the developed countries). *Ekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii*, no. 4 (87), pp. 7–20. (In Russian)
- McMenamin I. (2004) Varieties of Capitalist Democracy: What Difference Does East-Central Europe Make? *Journal of Public Policy*, vol. 24, no. 3, pp. 259–274.
- Molina O., Rhodes M. (2007) The political economy of adjustment in mixed market economies: A study of Spain and Italy. In: *Beyond Varieties of Capitalism: Conflict, Contradictions and Complementarities in the European Economy*. Hancké B., Rhodes M., Thatcher M. (Eds). Oxford, Oxford University Press, pp. 223–252.
- Natras N. (2014) A South African Variety of Capitalism? *New Political Economy*, vol. 19, no. 1, pp. 56–78.
- Nölke A., Vliegthart A. (2009) Enlarging the varieties of capitalism: The emergence of dependent market economies in East Central Europe. *World politics*, vol. 61, no. 4, pp. 670–702.
- Peck J., Theodore N. (2007) Variegated capitalism. *Progress in human geography*, vol. 31, no. 6, pp. 731–772.
- Peck J., Zhang J. (2013) A variety of capitalism... with Chinese characteristics? *Journal of Economic Geography*, vol. 13, no. 3, pp. 357–396.

- Pickles J., Smith A., Bucek M., Roukova P. (2006) Upgrading, changing competitive pressures, and diverse practices in the East and Central European apparel industry. *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 38, no. 12, pp. 2305–2324.
- Polanyi K. (1944) *The Great Transformation*. New York, Farrar & Rinehart.
- Schelkle W. (2012) Collapsing Worlds and Varieties of Welfare Capitalism: In Search of a New Political Economy of Welfare. *LEQS Discussion Paper*, no. 54.
- Schneider B. R. (2013) *Hierarchical Capitalism in Latin America*. Cambridge, Cambridge University Press. 262 p.
- Schneider B. R. (2009) Hierarchical Market Economies and Varieties of Capitalism in Latin America. *Journal of Latin American Studies*, vol. 41, pp. 553–575.
- Streeck W., Thelen K. (2005) Introduction: Institutional Change in Advanced Political Economies. In: *Beyond Continuity*. Streeck W., Thelen K. (Eds). Oxford, Oxford University Press, pp. 1–39.
- The visible hand. *The Economist*. January 21, 2012.
- Witt M. A., Kabbach de Castro L. R., Amaeshi K., Mahroum S., Bohle D., Saez L. (2017) Mapping the business systems of 61 major economies: a taxonomy and implications for varieties of capitalism and business systems research. *Socio-Economic Review*, vol. 16, no. 1, pp. 5–38.
- Witt M. A., Redding G. (2013) Asian Business Systems: Institutional Comparison, Clusters and Implications for Varieties of Capitalism and Business Systems Theory. *Socio-Economic Review*, vol. 11, no. 2, pp. 265–300.
- Wood G., Frynas J. G. (2006) The Institutional Basis of Economic Failure: Anatomy of the Segmented Business System. *Socio-Economic Review*, vol. 4, no. 2, pp. 239–277.
- Yeung H. W. (2004) *Chinese Capitalism in a Global Era: Towards Hybrid Capitalism*. London, Routledge. 320 p.
- Zhang J., Peck J. (2016) Variegated Capitalism, Chinese Style: Regional Models, Multi-scalar Constructions. *Regional Studies*, vol. 50, no. 1, pp. 52–78.
- Zhang X., Whitley R. (2013) Changing macro-structural varieties of East Asian capitalism. *Socio-Economic Review*, vol. 11, no. 2, pp. 301–336.

Статья поступила в редакцию 12.06.2019

Статья рекомендована в печать 11.11.2019

Контактная информация:

Лобанов Михаил Михайлович — канд. геогр. наук; m.m.lobanov@yandex.ru
Глинкина Светлана Павловна — д-р экон. наук, проф.

Varieties of capitalist relations in foreign emerging market countries: The problems of typology and research methodology

M. M. Lobanov, S. P. Glinkina[†]

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences,
32, Nakhimovskii pr., Moscow, 117997, Russian Federation
Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russian Federation

For citation: Lobanov M. M., Glinkina S. P.[†] (2020) Varieties of capitalist relations in foreign emerging market countries: The problems of typology and research methodology. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, vol. 36, iss. 1, pp. 7–26. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.101> (In Russian)

Until the end of the 20th century, studies on causes and consequences of the emergence of cross-country differences in the organization of capitalist society mainly relied on experiences of developed countries. The current trend in the evolution of theories of comparative capitalism is a shift in the research focus to states with emerging markets as characterized by a variety of types of institutional complementarity. One key issue is the validity of adapting the “varie-

ties of capitalism” binary theory designed for developed countries (liberal and coordinated market economies in this framework) to analyze capitalist relations in states of the periphery and semi-periphery of world economy. This paper examines methodological problems of explaining processes of cross-country institutional divergence, with a focus on emerging market countries. The authors pay special attention to types of capitalism in post-socialist countries, distinguishing four directions of comparative analysis based on assumptions about the universality of the dichotomy of the VoC approach or on its “metamorphism,” “hybridization” of traditional capitalist models, and inconsistency with realities of development in former socialist states. Within each of the selected approaches to the typology of capitalist relations in European and Asian post-socialist countries, the characteristics of their respective basic models are compared (for example, “dependent” and “patrimonial capitalism,” “embedded neoliberalism,” “neocorporatism,” “neoliberal capitalism” etc.). In addition, the authors conduct a comparative analysis of types of capitalism that are differentiated for developing countries of Asia, Africa, and Latin America (in particular, “hierarchical market economies”). It is noteworthy that the accumulation of theoretical and practical knowledge in comparative capitalism is increasingly dependent on the expansion of its geographical coverage on account of Asian countries. In this paper we distinguish several approaches to the formation of Asian capitalist societies: the spread of “state capitalism,” the emergence of an Asian “hybrid capitalism” (a combination of local and incorporated Western institutional norms), and the development of divergent forms of capitalism bounded by national borders. A promising research direction (which we call a multi-scale approach in comparative capitalism) is the differentiation of subnational models of capitalist relations, especially in countries characterized by significant spatial heterogeneity.

Keywords: comparative capitalism, varieties of capitalism, institutional complementarity, liberal, coordinated and mixed market economies, dependent market economies, embedded neoliberalism, neocorporatism, patrimonial capitalism, hybrid capitalism, state capitalism.

Received: 12.06.2019

Accepted: 11.11.2019

Authors' information:

Mikhail M. Lobanov — PhD in Geography; m.m.lobanov@yandex.ru

Svetlana P. Glinkina[†] — Dr. Sci. in Economics, Professor